

К.А. ПАХАЛЮК*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТИ О НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Аннотация. Статья посвящена эволюции политики памяти о нацистских преступлениях в современной России. Общая тенденция 1990–2010-х годов по дифференциации и углублению представлений об этих событиях резко сменилась в начале 2020-х годов в виде утверждения тезиса о «геноциде советского народа». Начиная с 2000-х годов серьезное влияние на политическое использование памяти о нацистских преступлениях оказывали внешние вызовы: попытки вписаться в формирующуюся «общеευропейскую» культуру памяти, «войны памяти» с Прибалтикой и Украиной (с середины 2000-х годов), актуализация истории в отношениях с Израилем, конфликт с Украиной (с 2014 г.). Все это в итоге привело к утверждению прогрессивного (героического) подхода с акцентом на освободительную роль Красной армии и участие советских граждан в сопротивлении нацистской истребительной политике. Для официальной политики памяти нацистские преступления остаются скорее эмоционально насыщенным образом (картинкой), подчеркивающим и жестокость противника, и подвиг советского солдата, нежели самостоятельным объектом коммеморации, позволяющим обсу-

* **Пахалюк Константин Александрович**, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: kar1914@yandex.ru

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Основные тенденции трансформации мемориальной культуры и коммеморативных практик в России (конец 2010-х – начало 2020-х годов): комплексный междисциплинарный анализ» (государственный номер 122101100024–8), реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

DOI: 10.31249/poln/2023.02.03

ждать причины подобного насилия, вопросы вины, соучастия и ответственности. Однако это не отменяет постепенного развития инфраструктуры памяти (монументы и памятные знаки) о нацистских преступлениях, увеличение числа акторов памяти, занимающихся работой с нею, а также включения этой темы в региональные исторические нарративы.

Ключевые слова: политика памяти; Холокост; нацистские преступления; внешняя политика; транснациональная память; коммеморация.

Для цитирования: Пахалюк К.А. Трансформация политического использования памяти о нацистских преступлениях в современной России // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 65–93. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.03>

В 2000–2020-е годы российская политика памяти претерпела серьезную эволюцию: от относительно «мягких» попыток регулирования (2000-е годы) она прошла стадию институционализации (2010-е годы), а затем стала превращаться в последовательную историческую политику (о понятии историческая политика см.: [Миллер, 2012, с. 7–32]). Значимость обращения к истории определялась тем, что она превратилась в ключевой публичный язык придания политике ценностного, «идеального» измерения. Несмотря на целенаправленное расширение «репертуара актуального прошлого» в рамках тезиса о «единой 1000-летней истории российского государства», события Великой Отечественной войны оставались в центре внимания, став «мифом основания» российской гражданской нации. Развитие героического образа Великой Отечественной войны не отменяло и актуализации других ее страниц, в том числе нацистских преступлений. В настоящей статье мы собираемся очертить эволюцию их политического использования за последние два десятилетия с точки зрения конструирования макрополитической и групповых солидарностей.

«Сопротивляемость исторического материала»

Конструирование памяти о нацистских преступлениях сопряжено с высокой «сопротивляемостью материала», вызванной не только эмоциональностью темы, но и сложностями в фиксации того, кем являлись сами преступники и объекты преступлений. В первом случае речь идет не только о соотношении определений «немецкие» / «нацистские» преступления, но и о высвечивании /

затушевывании роли коллаборационистов и пассивных соучастников (*by-standers*). Отчасти эта проблема имеет связь с более широкой дискуссией о (юридической) вине и (моральной) ответственности. Вопрос об объектах насилия является еще более сложным, поскольку объектами террора, преследования и / или уничтожения являлись разные территориальные, политические, социальные и этнические группы: евреи, славяне, цыгане, коммунисты, лица с инвалидностью, асоциальные и преступные элементы, гомосексуалы, Свидетели Иеговы; методы тотального террора, принудительного труда и организованных гуманитарных катастроф активно применялись на оккупированных территориях Восточной Европы и Балкан. Ввиду переплетения стратегий и методов массового террора на всей подконтрольной нацистам территории Европы исключительно национально-государственная версия своих страданий оказывается всегда ограниченной.

Разобраться в этом многообразии политики уничтожения можно через обращение к группам жертв, выделенных и различаемых нацистами ввиду разницы целей и применяемых репрессивных мер. Введение в международно-юридическую практику понятия геноцида (см. соответствующую Конвенцию ООН 1948 г.)¹ как раз и было направлено на то, чтобы обозначить специфику некоторых направлений нацистской политики и отличить их от преступлений против человечности (массовых убийств). Геноцид предполагает намеренное уничтожение группы людей из-за их расы, религии, гражданства или этнического происхождения, т.е. не за действия (например, помощь партизанам), а за то, кем они являются (см.: [Сэндс, 2020]). Однако с самого начала в научной литературе и публицистике это понятие стало применяться расширительно (см.: [Самуэльсон, 2019]).

Соответственно, политическое использование памяти о нацистских преступлениях неразрывным образом связано с производством номинаций (в понимании П. Бурдьё) о преступнике и объекте насилия, а также с тем, каким логическим образом организовано повествование о них, нарратив. Вслед за социологом

¹ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года // ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата посещения: 18.01.2023).

Дж. Александером мы различаем два доминирующих, но не единственно возможных нарратива – прогрессивный и трагический. Первый выстраивается через ориентацию на методы победы над врагом, в то время как второй содержит критическую рефлексию о том, почему преступления могли свершаться и как их не повторить. Оговоримся, что ни наличие «героев-протагонистов», ни живописание страданий не являются квалифицирующими признаками этих нарративов [Александер, 2013].

1940–1990-е годы: от уничтожения «советского народа» к жертвам тоталитаризма и трагедии войны

В советское время тема нацистских преступлений вписывалась в доминирующий прогрессивный нарратив о Великой Отечественной войне как тяжелой, но справедливой победе всего советского народа и коммунистической системы в целом. Рассказы о нацистских злодеяниях позволяли подчеркнуть и преступность врага, и народный героизм. Главными преступниками выступали «фашисты» как представители определенного политического движения, а «советский народ / советские граждане» конструировались как ключевой объект нацистских преступлений, однако допускались ситуативные варьирования. Еще в годы войны значимой являлась риторика общих страданий именно славянских народов, которые выделялись в особую группу сугубо по политическим причинам.

Прогрессивный нарратив позволял прежде всего вписывать в пространство официально одобренной памяти истории тех жертв, которых одновременно можно было героизировать. Правда, серьезные проблемы были связаны с оstarбайтерами [Кринко, Захарина, 2020; Grinchenko, Olynyk, 2012], лицами с инвалидностью [Реброва, 2021], а также военнопленными (из 5,7 млн советских военнопленных 57% погибли) [Полян, 2016; Соппротивление советских военнопленных ... , 2022, с. 169–210]. Трагедия Холокоста превратилась в настоящий вызов для концепции советского народа как основной жертвы. С одной стороны, замалчивание было невозможным ввиду масштаба преследования: из примерно 6 млн погибших до 40% являлись жителями СССР. По современным подсчетам, евреи составляли примерно 63% жертв гражданского

населения Украины [Круглов, Уманский, Щупак, 2017, с. 405–411], 66% – Беларуси [Смиловицкий, 2020], на юге РСФСР – 43,5% [Войны и население ... , 2019, с. 546–547]. С другой стороны, последовательный рассказ требовал бы более гибкой политики памяти для сохранения тезиса об общности страданий. Поэтому уже в годы войны была выбрана стратегия тривиализации: трагедия евреев периодически появлялась и в центральной печати, и официальных сообщениях, однако ее масштаб намеренно ретушировался. Этот же подход доминировал и в послевоенное время, несмотря на активность еврейских общин и отдельных энтузиастов (см.: Черкасски, 2012; Зельцер, 2015; Альтман, 2005)].

Перестройка и дальнейшая либерализация общественно-политической жизни в России привели к радикальному переосмыслению истории страны. Критика советской системы и изобличение политических репрессий стали моральным аргументом сторонников преобразований сначала против партийных консерваторов, а затем и коммунистической оппозиции. Это породило спрос на сопоставление сталинской и гитлеровской политических систем, однако высокая степень политизации дискуссий и отсутствие исторической базы превращали подобные сравнения в спекуляции в рамках концепции «двух тоталитаризмов». Историк Ю.В. Галактионов признавал вторичность таких обсуждений по сравнению с западными теориями, а в 2001 г. утверждал, что большинство их участников согласились с тезисом о том, что фашизм и коммунизм – «явления одного порядка» [Галактионов, 2006, с. 69–72, 92]. По наблюдению французского историка М. Ферретти, проработка либералами этих трагических страниц сквозь призму понятия «тоталитаризм» фактически лишала нацизм специфики и делала участников дискуссии нечувствительными к теме нацистских преступлений, в частности Холокоста [Ферретти, 1996].

Нацистские преступления стали встраиваться в более общие концептуальные рамки – тоталитарные режимы и трагедия войны. Это вело к дроблению как их объекта, так и субъекта. Концепция «двух тоталитаризмов» предполагала сопоставительное рассмотрение субъектов преступлений. Концептуальная рамка трагедии войны была менее политизированной, поскольку позволяла либо вообще обходиться без обращения к фигуре преступников, либо делать это ситуативно. В обоих случаях оставался простор для исследователей и активистов памяти самостоятельно конструировать

объект преступлений, обращая внимание на особенности страданий разных групп жертв.

Одновременно в зарубежной Европе происходила транснационализация памяти о Холокосте и развитие трагического нарратива. В основу была положена этика ответственности современных обществ за преступления прошлых лет [Levy, Sznajder, 2002; Миллер, 2016]. Несмотря на тематическую близость, доминирующий в России подход отличался: обсуждение нацистских преступлений как трагедии войны не предполагало развитие критической рефлексии о коллективном «мы». Например, общественные дискуссии о коллаборационизме скорее касались его осуждения или оправдания, а не вопросов ответственности российского / советского общества за преступления периода Второй мировой войны. Ключевые акторы политики памяти не проявляли заинтересованности. Вместе с тем отдельные символические жесты в этом направлении были сделаны президентами Украины и Белоруссии, которые при посещении израильского мемориала Яд ва-Шем приносили извинения за соучастие своих граждан в Холокосте [Альтман, 2005, с. 525].

В России концептуальная рамка трагедии войны закрепились в пространстве открытого музейно-мемориального комплекса на Поклонной горе, а также посредством учреждения новой памятной даты – 22 июня, Дня памяти и скорби. В соответствии с Указом Б.Н. Ельцина, «Этот день напоминает нам о всех погибших, замученных в фашистской неволе, умерших в тылу от голода и лишений. Мы скорбим по всем, кто ценой своей жизни выполнил святой долг по защите Родины» (1996)¹. Репертуар поминовения не предполагал никаких специфических коммеморативных практик. В последующие годы федеральные власти не занимались символическим развитием этого памятного дня, равным образом не нашлось и другого значимого актора политики памяти, который бы предпринял соответствующие усилия [Пахалюк, 2021].

Однако еще с конца 1980-х годов началась активная работа с темой нацистских преступлений на уровне отдельных групп жертв: блокадники, жертвы Холокоста, оstarбайтеры и военно-

¹ Указ Президента Российской Федерации о Дне памяти скорби // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102041799> (дата посещения: 25.01.2023).

пленные. Постепенно они начали получать символическое признание. В 1989 г. был возрожден Музей обороны и блокады Ленинграда. В 1989–1990-е годы льготы ветеранов Великой Отечественной войны были распространены также на бывших узников концлагерей и оstarбайтеров, а в 1995 г. военнопленные были признаны ветеранами Великой Отечественной войны и жертвами нацизма [Полян, 2016, с. 60]. С 1993 г. выплаты принудительным рабочим и узникам концлагерей (но не военнопленным, если они не попадали под вторую категорию) осуществлял немецкий фонд «Согласие и примирение». Его работа привела к росту активности самих оstarбайтеров, а многочисленные запросы в местные архивы вовлекли в тематику представителей научного и архивного сообществ [Ковалев, 2011; Стратиевский, 2017].

Сохранение памяти о Холокосте было прежде всего связано с активностью еврейских организаций. В период перестройки еврейские общины и инициативные группы занялись проведением траурных мероприятий, публикацией воспоминаний и установкой памятников (как например, в Пушкино в 1991 г.). В 1991–1992 гг. был создан научно-просветительный центр «Холокост» (М.Я. Гефтер, А.Е. Гербер), который достаточно быстро стал одним из основных акторов памяти и, пожалуй, главным экспертно-аналитическим центром, включенным в международные исследовательские круги, содействуя через конференции и совместные публикации развитию отношений между российскими и зарубежными учеными и акторами политики памяти [Альтман, 2005, с. 527–528].

2000–2010-е годы:

образ тотального насилия и множественность памятей

Нарастающая консолидация политики памяти в России в эти два десятилетия выдвинула на первый план героическую историю Великой Отечественной войны. На уровне государственных федеральных акторов исторической памяти это означало постепенное вытеснение трагических страниц на фоне включения темы нацистских преступлений в прогрессивный нарратив о Победе. При сохранении раздробленного объекта преступлений постепенно стал более четко очерчиваться субъект в виде нацистов и коллаборационистов.

стов из числа отдельных народов СССР (прежде всего латышского, литовского, эстонского и украинского).

Постепенную деактуализацию темы трагедии войны можно проследить на примере Дня памяти и скорби. С одной стороны, с 2000 г. стало регулярным участие президента РФ в церемонии возложения цветов к Могиле Неизвестного Солдата у Кремля, однако, с другой – за несколькими исключениями ни В.В. Путин, ни Д.А. Медведев не произносили специальных речей. В 2010-е годы тематические мероприятия, заполнявшие федеральную медийную повестку, задавали скорее прогрессивно-героическую тональность – вручение президентом грамот «Городам воинской славы» (2015) или посещение только что открытого Главного храма Вооруженных сил Российской Федерации (2020). В 2020 г. к этому дню приурочили открытие монументального Ржевского мемориала. Хотя мотивы скорбной памяти и были заложены в архитектурно-художественное решение (склонивший голову солдат, появляющийся из стаи журавлей), однако в информационном сопровождении, как и в выступлении В.В. Путина, доминировали мотивы не скорби, а самопожертвования¹.

Одновременно нарастающая актуализация темы нацистских преступлений на федеральном государственном уровне была связана с влиянием не столько внутренних процессов коммеморации, сколько внешнеполитического контекста, а именно попытки использовать тезис о победе в Великой Отечественной войне как ключевой моральный аргумент в пользу важнейшей роли России в международной системе и демонстрации ее «исторической добродетельности».

Нельзя сказать, что В.В. Путин не пытался использовать трагический нарратив. Так, он был воспроизведен в мемориальной речи 22 июня 2001 г. к 60-летию начала Великой Отечественной войны. Центральное место занимала тема скорби, президент признавал травматичность опыта войны и его влияние на современность, а также утверждал, что все ключевые политики того времени разделяют ответственность за то, что не смогли вовремя

¹ Открытие Ржевского мемориала Советскому солдату // Президент России. – 2020. – 30 июня. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/63585> (дата посещения: 25.01.2023).

оценить нацистскую угрозу¹. Но в дальнейшем этот нарратив не получил развития в выступлениях президента. Вероятно, причины связаны с тем, что власти решили внутри страны опереться на героическую риторику, видя в ней механизм национального строительства, а на внешнеполитической арене рассматривали возможность присоединиться к формирующемуся пространству транснациональной памяти через образ освободителей.

Последовательный анализ материалов сайта Президента России показывает, что в течение первых двух сроков он обращался к историческим примерам во внешнеполитическом контексте спорадически, пытаясь нащупать, как лучше их использовать. С 2003 г. обращение к теме Холокоста стало появляться в риторике, сопровождающей российско-израильские отношения². Всего в 2003–2007 гг. В.В. Путин десять раз напрямую упоминал Холокост, причем в половине случаев – в контексте взаимодействия с Израилем и международными еврейскими организациями. В выступлениях, ориентированных на зарубежную Европу, он стремился совместить мотивы скорби, общих ценностей и тезис об освободительной миссии Красной армии. Так, 27 января 2005 г., в ходе международных мероприятий в Освенциме (Польша), которые включали и открытие обновленной экспозиции российского павильона, В.В. Путин говорил о Холокосте как общечеловеческой трагедии. Он подчеркнул, что память о трагедии не может сегодня оставлять нас равнодушными по отношению к «антисемитизму, национализму, ксенофобии, расовой или религиозной нетерпимости» и заявил, что ему стыдно за факты их проявления в России. Одновременно он напомнил о 600 тыс. красноармейцев, погибших за освобождение Польши, и призвал прекратить переписывать историю³. Высшей степенью международного признания усилий

¹ Обращение в связи с 60-летием начала Великой Отечественной войны // Президент России. – 2001. – 22 июня. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21271> (дата посещения: 25.01.2023).

² Состоялась встреча Президента России с Премьер-министром Израиля Ариэлем Шароном // Президент России. – 2003. – 3 ноября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/29678> (дата посещения: 25.01.2023).

³ Выступление на государственной церемонии, посвященной 60-летию освобождения советскими войсками концлагеря Аушвиц-Биркенау // Президент России. – 2005. – 27 января. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22802>; (дата посещения: 25.01.2023); Выступление на форуме

российских властей стало принятие Генеральной Ассамблеей ООН в ноябре 2005 г. резолюции, которая устанавливала 27 января Международным днем памяти жертв Холокоста. Тем самым одна из ключевых международных памятных дат была привязана ко дню освобождения концлагеря Аушвиц Красной армией.

Обратим внимание, что 27 января 2005 г. В.В. Путин в своей речи увязал значимость памяти о нацистских преступлениях с борьбой против терроризма – новой угрозой для мирового сообщества. Такой риторический прием был не случайностью, а осознанной стратегией по легитимации решительных действий против терроризма как абсолютного зла. Допущенные трагедии прошлого (Холокост) становились моральной основой в целях предотвращения аналогичных преступлений сегодня. В условиях проведения антитеррористической операции на Северном Кавказе России был выгоден образ участника глобальной войны против террора, объявленной президентом США Дж.У. Бушем.

Однако, как обратил внимание Дж. Александер, еще в 1999 г. операция НАТО против Югославии также сопровождалась обращением к Холокосту, усиливая логику «гуманитарных интервенций», т.е. права силового вмешательства международного сообщества во внутренние дела суверенного государства для защиты гражданского населения [Александер, 2013]. Это породило долгую дискуссию о «гуманитарных интервенциях» и обязанностях государства по защите своего населения. Показательно, что осенью 2005 г. Генеральная Ассамблея ООН не только учредила Международный день памяти жертв Холокоста, но и приняла резолюцию (A/RES/60/1), закрепив это обязательство в международном праве¹. Несмотря на критику гуманитарных интервенций, Россия фактически прибегла к этой риторике в 2008 г. во время операции в Грузии (тезис о «геноциде осетинского народа»), однако исторические параллели с нацистскими преступлениями до событий 2022 г. не использовались.

«Жизнь народу моему!», посвященном памяти жертв Освенцима // Президент России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22800> (дата посещения: 25.01.2023).

¹ Šimonović I. The Responsibility to Protect // United Nations. – 2016. – December. – Mode of access: <https://www.un.org/en/chronicle/article/responsibility-protect> (accessed: 24.02.2023).

В середине 2000-х годов обозначились и сложности включения России в транснациональную инфраструктуру памяти о нацистских преступлениях. Во-первых, в значительной степени формирование этой инфраструктуры было связано с евроинтеграционными процессами, однако Россия не являлась их участницей, а ее власти не собирались всерьез вкладывать средства в обеспечение культурной интеграции. Во-вторых, на середину 2000-х годов пришлось начало «войн памяти» с Украиной и прибалтийскими государствами, вызванных прежде всего оценкой советского наследия, а также героизацией националистическими кругами исторических фигур, которые на том или ином этапе сотрудничали с нацистской Германией. В-третьих, с включением в ЕС стран Восточной Европы под вопросом оказались моральные основания «общеевропейской памяти», поскольку этика ответственности не разделялась большинством элит посткоммунистических стран, предпочитавших представлять себя жертвами двух тоталитаризмов – нацистского и сталинского. Е. Финкель справедливо писал о своеобразной гонке демонстрации собственных страданий и виктимности, что якобы позволяло избежать ответственности за злодеяния прошлого [Финкель, 2012]. Все это рассматривалось российскими властями как удар по «исторической добродетельности России». Укрепление «культа Победы», игра на «ностальгии по советскому» и отсутствие глубокой проработки темы сталинских преступлений препятствовали формированию более гибкой позиции.

Ответом на перечисленные выше вызовы с середины 2000-х годов стала новая акцентировка тезиса об освободительной роли Красной армии и ее ключевой роли в спасении Европы от нацизма. Одним из ее аспектов стало разоблачение прибалтийских и украинских националистов, что в свою очередь потребовало изобличения их соучастия в нацистских преступлениях. Прежде всего это делалось посредством политической и медийной риторики. Ее усиление было квалифицировано политологом Е. Морозовым в качестве одного из значимых элементов дискурса об «истинной / ложной Европе» («мы / истинная Европа / против героизации нацизма» vs «они / ложная Европа / за героизацию нацизма»), формирующего внешнеполитическую идентичность [Морозов, 2009]. Преимущественно для ведения работы в этом направлении в конце 2008 г. был образован фонд «Историческая память» (президент А. Дюков), тесно аффилированный с Управлением Администрации

Президента по межрегиональным и культурным связям. Он стал главным медийным спикером, включившимся в «войны памяти» в Восточной Европе. Одновременно фонд вошел в число центров производства научных знаний о нацистских преступлениях и точек формирования международной сети исследователей¹.

Следующий этап связан с событиями 2014 г. – началом силового противостояния с Украиной и усилением конфронтации с Западом. Востребованным оказался прежде всего медийный образ нацистских преступлений, тиражирование которого с отсылками к документам или историческим трудам выступало подтверждением безусловной правоты Советского Союза и его руководства во Второй мировой войне. Система необязательных параллелей экстраполировала исторический образ на текущую ситуацию в целях моральной легитимации действий российского руководства.

В средствах массовой информации украинские власти стали называться неонацистскими, такое же определение получили и националистические батальоны. В уголовное законодательство была введена статья 354.1, криминализирующая оправдание нацизма и отрицание фактов, установленных Нюрнбергским трибуналом; тем самым «защита памяти» приобрела юридическую форму, несмотря на неясность формулировок [Кибальник, Иванов, 2019]. Использовались и более масштабные форматы. Так, в 2015 г. Российское военно-историческое общество (один из ключевых прогосударственных акторов политики памяти) открыло выставку-блокбастер «Помни. Мир спас советский солдат» (о новом направлении в музеологии см.: [Бонами, 2019]), которая за несколько лет была представлена в десяти городах и привлекла около 2 млн зрителей². Активное использование мультимедийных технологий было ориентировано на представление событий Второй мировой войны в рамках трехчастной структуры: приход к власти и победоносное шествие нацизма; ужасы их преступлений; освобождение Красной армией Европы. Пожалуй, именно эта выставка наиболее полно выразила продвигаемый официальными структурами подход к рассматриваемой теме.

¹ Историческая память. 10 лет. М.: Историческая память. – 2020. – Mode of access: <http://historyfoundation.ru/about/> (accessed: 06.02.2023).

² Музейно-выставочная деятельность // Российское военно-историческое общество. Официальный сайт. – Режим доступа: <https://rvio.histrf.ru/projects/museum-activity> (дата посещения: 25.01.2023).

Одновременно обвинения в оправдании или преуменьшении нацистских преступлений становились частью давления на либеральную оппозицию. В 2014 г. неудачная формулировка вопроса о блокаде Ленинграда на телеканале «Дождь»¹ дала повод для публичной кампании, которая привела к расторжению определенными операторами кабельного телевидения контрактов на вещание. Разразившийся в конце августа 2021 г. скандал вокруг наличия соучастников Холокоста в подготовленных обществом «Мемориал» списках жертв политических репрессий стал медийным предвестником ликвидации организации к концу года. Подобные медийные скандалы способствовали содержательному наполнению популярного в отдельных консервативных кругах тезиса о либерал-фашистах. Одним из прямых его воплощений на уровне официальной политики памяти стала очередная выставка-блокбастер РВИО «Война и мифы» (по одноименной книге В.Р. Мединского), открытой в Манеже в 2016 г. Слова либерального политика Л.Я. Гозмана, в которых сравнивались СМЕРШ и гестапо, были помещены на пол, в общий ряд с тезисами нацистской пропаганды. Посетителям предлагалось ходить по ним, знакомясь с визуальными разоблачениями «ключевых мифов», порочащих Красную армию. Визуальные образы нацистских преступлений также вплетались в общий контекст.

Культура памяти о нацистских преступлениях постепенно развивалась, однако сам характер ее политического использования поставил предел обозначившейся в 1990-е годы другой тенденции: включать в героический нарратив те фигуры русской эмиграции, которые во имя своих представлений о национальной России пошли на сотрудничество с нацистами. Так, в 2007 г. была разбита памятная доска коллаборационистам и формированиям СС, установленная на территории храма Всех Святых в Москве. Не получили развитие предложения мемориализации атамана П.Н. Краснова (единственный памятник в ст. Еланской установлен на частной территории). В начале 2010-х годов непреодолимым препятствием на пути увековечения религиозного философа Н.С. Арсентьева в Калининграде стал факт его службы в вермахте в качестве переводчика. Правда, его сторонники из числа калининградской «патриотической общественности» использовали тот же тезис против продвижения памяти и о ряде восточнопрусских деятелей культуры

¹ 20.08.2021 внесен Минюстом РФ в реестр СМИ – иностранных агентов.

(в 2015 г. была снесена памятная доска поэтессе А. Мигель) [Дементьев, 2020]. В 2016 г. провалилась попытка главы Администрации Президента С.Б. Иванова и министра культуры В.Р. Мединского увековечить в Санкт-Петербурге память К.Г. Маннергейма как героя Первой мировой войны. Факт соучастия в блокаде вызвал широкий общественный протест, а доску пришлось демонтировать. В начале 2020-х годов началось свертывание мемориализации писателя И.Д. Сургучева в Ставрополе, также ввиду его причастности к коллаборационизму. Однако активное сотрудничество с нацистами не повлияло на официальное отношение к писателю И.С. Шмелеву и философу И.А. Ильину, к философскому наследию которого неоднократно апеллировали представители государственной власти, включая В.В. Путина [Будрайтскис, 2020].

Политическая и медийная востребованность образов нацистских преступлений создавала контекст для более целенаправленной политики памяти. После введения Историко-культурного стандарта (2015–2016) и подготовки новых линеек учебников расширилось освещение темы нацистской истребительной политики. По итогам этого десятилетия расширилась и репрезентация нацистских преступлений в столичных музеях. Так, мультимедийные «живые» (т.е. погружающие человека в эпоху за счет декораций) выставки «Подвиг народа» в Музее Победы (2020) и в музейном комплексе в парке «Патриот» (2021 г., проект Министерства обороны) включали несколько смысловых блоков о нацистских преступлениях. Тем не менее предпочтение отдавалось не обсуждению конкретных групп жертв, а страданий населения в целом; отдельно выделялись блокада Ленинграда и система концлагерей (в случае Музея Победы еще один зал был посвящен разграблению Новгорода и оккупации).

В 2014 г. в перечень Дней воинской славы (№ 32-ФЗ от 13.03.1995) было включено 27 января как День полного снятия блокады Ленинграда. Однако с середины 2000-х годов этот день стал одновременно и «местом памяти» о Холокосте. Это не только поддерживалось такими акторами памяти, как НПЦ «Холокост» (регулярные мероприятия с 2006 г.) и фонд «Историческая память», но и следовало из риторики президентов РФ. Если долгое время В.В. Путин и Д.А. Медведев чередовали обращение к темам блокады и Холокоста (2000, 2003, 2004, 2009, 2012, 2014 – блокада, 2005, 2010, 2015 – Холокост), то уже в 2018 г., в контексте визита

премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху, памятные мероприятия федерального уровня объединили обращение к обеим трагедиям¹. Тем самым транснациональная и национальная исторические повестки постепенно сопрягались.

По сравнению со странами зарубежной Европы, более активно Россия развивала совместную историческую повестку с Израилем. Превращение Холокоста в соединительную метафору разных геноцидов в рамках «европейской культуры памяти», как и уравнивание сталинских и гитлеровских преступлений, рассматривались в Израиле критически – в качестве угрозы представлению об уникальности геноцида евреев. Это превращало Израиль в «естественного» союзника России, хотя внутрироссийские тенденции препятствовали выработке единого подхода. Потому общей стала память не столько о трагедии, сколько о героизме, связанном с темой Холокоста [Sokol, 2018].

В 2010-е годы взаимные встречи руководителей стран стали обставляться открытием новых монументов. В 2012 г. в Нетании появился монумент Красной армии. В 2018 г. в Москве, на территории Еврейского музея, В.В. Путин и Б. Нетаньяху заложили памятник евреям – героям Сопротивления в концлагерях и гетто. В 2020 г. в Иерусалиме, у здания Кнессета, был открыт памятник блокадному Ленинграду. Территориально он расположился рядом с садом памяти Харельской бригады, которая участвовала в защите попавшего в блокаду Иерусалима (во время Войны за независимость 1947–1949 гг.). Под влиянием этих процессов в 2010-е годы в России началось прославление фигуры А.А. Печерского как лидера восстания в лагере смерти Собибор.

Все это формировало позитивный контекст для продвижения памяти о Холокосте независимыми мнемоническими акторами. Центр «Холокост» продолжил стратегию расширения партнеров и новых методов интеграции темы Холокоста в культурно-образовательное пространство страны. В 2010 г., совместно с Российским еврейским конгрессом (РЕК), он запустил программу «Вернуть достоинство» по мемориализации жертв Холокоста на местах расстрелов (за десять лет установлено более 90 памятных

¹ Мероприятие, посвященное дню памяти жертв Холокоста и годовщине снятия блокады Ленинграда // Президент России. – 2018. – 29 января. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/56740> (дата посещения: 25.01.2023).

знаков)¹. Постепенно расширялась и сеть партнерств. С 2015 г. при поддержке правительства Москвы под 27 января стали проводиться ежегодные Недели памяти жертв Холокоста (серия образовательных и просветительских мероприятий).

Если деятельность НПЦ «Холокост» связана с РЕК, то другая конкурирующая еврейская организация – Федерация еврейских общин России (ФЕОР) – являлась одним из главных бенефициаров описанного выше российско-израильского сотрудничества. В 2012 г. в Москве открылся Центр толерантности и Еврейский музей. Его экспозиция, рассказывающая об истории евреев с библейских времен, включила тему Холокоста в историю как участия евреев в Великой Отечественной войне, так и преследования их в Российской империи / СССР. В 2017 г. во Владикавказе при еврейской общине (ФЕОР) был открыт Музей памяти жертв и героев Холокоста имени А.А. Печерского.

Поскольку вся эта работа проводилась организациями, тесно связанными с еврейскими общинами, возникал побочный эффект восприятия памяти о Холокосте как преимущественно памяти «евреев для евреев». Однако несмотря на ограниченную поддержку со стороны федеральных акторов исторической памяти к концу рассматриваемого периода это положение начало преодолеваться. В 2004–2013 гг. показательным с точки зрения сложностей артикуляции памяти о Холокосте стал конфликт вокруг информационной таблички на монументе на Змиевской балке (Ростов-на-Дону). Проблемы возникали с адекватным отражением фактической информации о том, что абсолютное большинство погибших – евреи. Только с третьего раза удалось найти объединяющую формулировку [Народы СССР, 2022, с. 325].

Если память о Холокосте, выступая элементом конструирования идентичности российских евреев, развивалась в том числе благодаря поддержке интеллектуалов и благоприятному внешнеполитическому контексту, то увековечение других групп жертв, к сожалению, оставалось уделом отдельных активистов и историков. В 2000–2007 гг. оstarбайтеры получали компенсации от Германии и Австрии, а в 2015 г. Германия решила выплачивать их и военнопленным, однако работа с личными воспоминаниями этих жертв

¹ Вернуть достоинство. – Режим доступа: <http://victimsdignity.ru> (дата посещения: 25.01.2023).

нацизма осуществлялась преимущественно исследовательскими организациями. Например, общество «Мемориал»¹ запустило несколько электронных баз данных. Ни государство, ни другие значимые акторы исторической политики не проявили заинтересованности в том, чтобы выработать постоянные формы коммеморации и развить вокруг военнопленных и оstarбайтеров реальный общественный диалог всероссийского масштаба. Можно выделить лишь несколько разрозненных мемориальных проектов, поддержанных на федеральном уровне (например, РВИО в 2014 г. увековечило в Вязьме память жертв Дулага-184, в 2016 г. в Псковской области Росавтодор профинансировал аналогичные работы в память узников Дулага-100). В некоторых случаях, как в Ростове-на-Дону, активистам приходилось инициировать судебные решения [Захарина, 2021].

Тема геноцида цыган так и не нашла своих энтузиастов, только в частном Цыганском музее культуры и быта в Костроме (2015) появился соответствующий раздел экспозиции. На рубеже 2010–2020-х годов на местном уровне активизировалась работа по увековечению лиц с инвалидностью. Значимую роль сыграла историк И.В. Реброва (базирующаяся в Германии): тематическая передвижная выставка «Помни о нас...» (открыта в 2018 г. в Ростове-на-Дону) затем дополнилась исследовательским проектом, вовлекшим в свою орбиту ряд краеведов, которые в дальнейшем начали проводить памятные мероприятия [Реброва, 2022].

В региональном измерении значимость памяти о жертвах нацизма была неравномерной. Несмотря на наличие энтузиастов и активистов во всех субъектах Федерации, чьи территории были оккупированы во время войны, далеко не везде эта тема стала частью региональной исторической идентичности. Исключение составили, помимо Ростова-на-Дону (Змиевская балка и образ А.А. Печерского), Санкт-Петербург, Брянская, Смоленская и Калининградская области. Санкт-Петербург стал пространством столкновения двух подходов к памяти о блокаде – прогрессивно-героического и рефлексивно-трагического. Если в 2016–2017 гг. власти отказались от публично обсуждавшейся идеи создать отдельный музей памяти блокады, то в 2019 г. проведение военного парада 27 января вызвало определенное общественное возмущение

¹ «Мемориал» был признан Минюстом РФ «иностранным агентом» и впоследствии ликвидирован.

ввиду милитаризации памятной даты (в 2014 г. аналогичный парад не вызвал такого всплеска активности) [Коцюбинский, 2021]. В 2000-е годы активное конструирование исторической идентичности Брянской области через обращение к событиям Великой Отечественной войны привело к актуализации двух тем – героической (партизанское движение) и трагической (уничтоженная деревня Хацунь). В Смоленске формирование исторической идентичности через образ «западного щита России» также способствовало активной мемориализации в городском пространстве военнопленных (еще в советское время), а тема оккупации весьма подробно представлена в обновленной экспозиции музея «Смоленщина в годы Великой Отечественной войны» (2015). В Калининградской области, благодаря активности еврейской общины, памятным местом стал расстрел евреев в Пальмникене (пос. Янтарный): традиционными стали ежегодные марши памяти, организуемые в конце января.

Начало 2020-х годов: «геноцид советского народа»

На рубеже 2019–2020 гг. государственная политика в отношении темы нацистских преступлений претерпела резкие изменения, которые выразились в выстраивании централизованной системы по продвижению концепции «геноцида советского народа». Формально речь идет о проекте «Без срока давности», реализуемом Поисковым движением России (ПДР) с 2018 г., в фокусе внимания которого находятся места расстрелов мирных жителей. Однако на рубеже 2019–2020 гг. произошло его кардинальное преобразование.

Триггером послужил новый виток «мемориальной войны» с Польшей вокруг ответственности за начало Второй мировой войны. В сентябре 2019 г. Европарламент с подачи польских депутатов принял резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», во многом повторяющую резолюцию десятилетней давности с осуждением сталинского и гитлеровского режимов. В ответ на это в декабре В.В. Путин на неформальном саммите стран СНГ выступил с речью, в которой критически анализировал политику Польши накануне Второй мировой войны и

намекнул на соучастие поляков в Холокосте¹. Дальнейшая медийная компания в российских СМИ расширила за счет поляков число «традиционных» соучастников нацистских преступлений.

На этом фоне концепция «геноцида советского народа» была призвана стать ответом на повторяющиеся обвинения в ответственности СССР за начало Второй мировой войны и служить обоснованием того, что советский народ является не только главным победителем нацизма, но и основной жертвой, а значит, он не может нести ответственность за развязывание войны. Тем самым Россия включилась в «гонку геноцидов», которая еще в 2000-х годах стала одним из триггеров российской исторической политики.

Сам проект «Без срока давности» превратился в сеть взаимодействия разных органов власти. Общее кураторство осуществлялось Управлением общественных проектов Администрации Президента. ПДР постепенно организовало экспедиции во всех регионах России, затронутых оккупацией. По обнаружению захоронений Следственный комитет заводил уголовное дело, что создавало медийный повод. По итогам следственных действий дело передавалось в областной суд, в вердикте которого содержалось признание факта «геноцида советского народа» на отдельной территории. Это обеспечивало более продолжительное медийное освещение, нежели решение Белоруссии в начале 2022 г. сразу же принять закон о геноциде белорусского народа и криминализировать его отрицание.

Федеральное архивное агентство организовало массовую публикацию тематических архивных документов в сборниках и в открытом доступе², отдельную электронную базу данных ведет и ПДР³. Документальные подборки периодически стали выкладывать и региональные управления ФСБ. Сама апелляция к документам при отсутствии их источниковедческой критики в медийном

¹ Неформальный саммит СНГ // Президент России. – 2019. – 20 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62376> (дата посещения: 25.01.2023).

² Федеральный архивный проект. Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Режим доступа: <https://victims.rusarchives.ru/02-09-2020-federalnyy-arkhivnyy-proekt-press-reliz> (дата посещения: 25.01.2023).

³ Онлайн-версия базы данных «Без срока давности». – Режим доступа: <https://xn--90ag.xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--p1ai/> (дата посещения: 25.01.2023).

поле создавала эффект «исторической объективности», а в некоторых случаях способствовала возрождению идеологических представлений советского времени. Появилась и новая памятная дата – 19 апреля – День единых действий в память геноцида советского народа, приуроченная к указу Верховного Совета СССР, который определял меры наказания за коллаборационизм и участие в преступлениях. В 2022 г. в этих мероприятиях приняло участие 6,5 млн человек¹. РВИО занялось мемориализацией; в 2020 г., по итогам поисковых работ в д. Жестяная Горка под Великим Новгородом, общество включилось в создание масштабного мемориала (памятник и музейный центр). Однако «центральный» монумент решили открыть в Гатчине Ленинградской области в 2023 г. (закладной камень – в 2021 г.).

Нужно обратить внимание, что продвижение повестки «геноцида советского народа» началось до того, как соответствующее понятие утвердилось в отечественной историографии. Тем самым государство взяло на себя не только определение ценностных ориентиров и приоритетных тем исторической политики, но и вторглось в сферу компетенции академической науки – самостоятельно называть исторические события. Поиск с учетом морфологии по «Научной электронной библиотеке» (*elibrary*) показал, что в 2017–2018 гг. понятие «геноцид советского народа» не встречается вовсе. В 2019 г. оно встречается в названии одной студенческой работы и логически воспроизводится в аннотации публикации в сборнике конференции, в 2020 г. воспроизводится в четырех статьях, а в 2021 г. – в четырнадцати статьях, в 2022 г. – в пятнадцати. Практически все они написаны исследователями, не специализирующимися на нацистских преступлениях. Одновременно против понятия «геноцид советского народа» публично выступили крупнейшие российские ученые – И.А. Альтман, специалист по истории Холокоста, автор единственной отечественной монографии о Холокосте на территории СССР², П.М. Полян, специалист

¹ День единых действий // Без срока давности. – Режим доступа: <https://безсрокадавности.рф/deyatelnost/den-edinyh-dejstvij> (дата посещения: 25.01.2023).

² См., напр.: Альтман И. Память о Холокосте в современной России // Декодер. – 2021. – 21 мая. – Режим доступа: <https://www.dekoder.org/ru/gnose/pamyat-o-holokoste-v-sovremennoy-rossii> (дата посещения: 25.01.2023).

по советским военнопленным и оstarбайтерам¹, с критикой тезиса о геноциде белорусского народа выступил д-р Л. Смиловицкий (Тель-Авивский университет), специалист по геноциду евреев в Белоруссии². При этом историк А.Р. Дюков и историк-популяризатор Е.Н. Яковлев оказали поддержку новому понятию в медийном пространстве. Собственно, академическая дискуссия до сих пор не состоялась.

Вероятно, именно поэтому в 2020–2021 гг. В.В. Путин избегал использовать это понятие. Например, 22 июня 2021 г., в День памяти и скорби, он говорил в целом, что «такого жестокого геноцида не знала история». Помощник президента по вопросам истории и культуры в программной статье от 3 марта 2021 г. признал, что классическое определение геноцида не может быть употреблено в отношении истребительной политики на территории СССР, а потому предложил расширить его, введя «территориальный принцип»³. В свою очередь, ПДР решило организовать соответствующую петицию, переведя вопрос из научной плоскости в политическую⁴.

Сложности с определением понятия «геноцид советского народа» возникали также у районных или областных судов, признавших его в 2020–2022 гг. (Новгородская, Псковская, Ростовская, Ленинградская, Орловская области, Ставропольский край, Республика Крым, Санкт-Петербург). Так, в Новгороде Солонецкий районный суд (хронологически первое подобное решение) постановил признать «геноцид этнических групп»⁵. Псковский областной суд утвердил геноцид «национальных и этнических групп,

¹ Полян П.М. Геноцид советского народа, или «Мертвые души» Владимира Мединского // Republic. – 2021. – 22 июня. – Режим доступа: <https://republic.ru/posts/100800> (дата посещения: 25.01.2023).

² Смиловицкий Л. Похищение Холокоста // Исрагео. – 2021. – 28 декабря. – Режим доступа: <http://www.isrageo.com/2021/12/28/smilo443/> (дата посещения: 25.01.2023).

³ Мединский В.Р. Каждый пятый // Russia Today. – 2021. – 3 марта. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/opinion/838105-medinskiy-velikaya-otechestvennaya-voina-sssr-poteri> (дата посещения: 25.01.2023).

⁴ В России создали петицию о признании геноцида советского народа нацистами // РИА-Новости. – 2021. – 6 июня. – Режим доступа: <https://ria.ru/20210606/rossiya-1735872648.html> (дата посещения: 25.01.2023).

⁵ Российский суд впервые признал геноцидом массовые убийства в годы войны // Коммерсант. – 2020. – 27 октября. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4549416> (дата посещения: 25.01.2023).

представлявших собой население СССР»¹. Ростовский областной суд использовал другие формулировки и признал геноцид «славян и иных национальных и этнических групп, представлявших собой население СССР, народы Советского Союза»². 10 октября 2022 г. Ленинградский областной суд назвал точное количество убитых граждан СССР на территории региона – 435 371, представив это «геноцидом национальных, этнических и расовых групп»³. Орловский областной суд (май 2022 г.) и Верховный суд Крыма (июль 2022 г.) напрямую признали преступления на своей территории геноцидом советского народа⁴. 20 октября 2022 г. Санкт-Петербургский городской суд признал блокаду Ленинграда актом геноцида «национальных и этнических групп», а в число соучастников вписал военные формирования Бельгии, Италии, Испании, Латвии, Нидерландов, Норвегии, Польши, Финляндии, Франции и Чехии⁵. Схожим образом в январе 2023 г. Ставропольский краевой суд вынес решение о геноциде «народов Советского Союза»⁶.

¹ Новость от 27.08.2021 // Псковский областной суд. – 2021. – 27 августа. – Режим доступа: http://oblsud.psk.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=422 (дата посещения: 25.01.2023).

² Суд признал геноцидом преступления нацистов в Ростовской области // Регнум. – 2022. 15 марта. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/3533620.html> (дата посещения: 25.01.2023).

³ Онлайн по делу о признании геноцидом преступлений фашистов в Ленинградской области // Российское агентство правовой и судебной информации. – 2022. – 10 октября. – Режим доступа: https://www.rapsinews.ru/online_translation/20221010/308362532.html (дата посещения: 25.01.2023).

⁴ Суд признал геноцидом массовые убийства жителей Орловской области в годы ВОВ // Российское агентство правовой и судебной информации. – 2022. – 6 мая. – Режим доступа: https://rapsinews.ru/judicial_news/20220506/307936529.html (дата посещения: 25.01.2023); ВС Крыма признал геноцидом убийства нацистами местных жителей в годы ВОВ // Российское агентство правовой и судебной информации. – 2022. – 7 июля. – Режим доступа: https://rapsinews.ru/judicial_news/20220707/308109508.html (дата посещения: 25.01.2023).

⁵ Онлайн заседания по делу о признании блокады Ленинграда геноцидом. День 5 // Российское агентство правовой и судебной информации. – 2022. – 20 октября. – Режим доступа: https://rapsinews.ru/online_translation/20221020/308391189.html (дата посещения: 25.01.2023).

⁶ Массовые убийства населения на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны признали геноцидом // Вести Ставрополье. – 2023. – 20 января. – Режим доступа: <https://stavropolye.tv/news/177946> (дата посещения: 25.01.2023).

В итоге из восьми судебных решений только два воспроизводят формулу «геноцида советского народа», а остальные разнятся относительно объекта «геноцида», что указывает на объективные сложности в том, как применить понятие «геноцид» к политике тотальных репрессий против населения СССР. Это еще раз говорит о необходимости научной дискуссии, которая бы опережала, а не следовала за медийно-политической кампанией и более детально рассмотрела роль организованных гуманитарных катастроф и отношение к славянскому населению (в отличие от «советского народа», славяне действительно являлись для нацистов особой «категорией» для преследования).

После 24 февраля 2022 г. произошла радикализация риторики. Выстраивание прямых параллелей с Великой Отечественной войной превратилось в один из ключевых медийных приемов. Все это придало большую политическую значимость и концепции «геноцида советского народа». 15 ноября на заседании РОК «Победа» В.В. Путин впервые публично употребил это понятие, указав, что «преднамеренный геноцид советского народа, всех его национальных, этнических и расовых групп» доказан решениями региональных судов и опирается на архивные документы¹. Правда, 26 января 2023 г., на встрече с лидерами еврейских общин, президент все же решил не упоминать «геноцид советского народа», ограничившись темой Холокоста.

Заключение

Проведенный анализ позволяет зафиксировать несколько разнонаправленных тенденций в политическом использовании памяти о нацистских преступлениях. С одной стороны, наблюдался существенный рост «инфраструктуры памяти», увеличение количества специализирующихся на этой теме мнемонических акторов, ее постепенное включение в репертуар актуального прошлого ряда регионов. С другой стороны, для государства и его агентов востребованным оказался прежде всего медийный образ, который бы

¹ Заседание оргкомитета «Победа» // Президент России. – 2022. – 15 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/councils/69836> (дата посещения: 25.01.2023).

подчеркивал особые жертвы всего советского народа, без развития дискуссий об ответственности и соучастниках, что вело бы к формированию рефлексивного отношения к истории. Международный контекст (и противоречивые отношения с зарубежной Европой, и более позитивное гуманитарное сотрудничество с Израилем) также способствовал утверждению прогрессивной, героической памяти, а с 2020 г. государственная историческая политика перешла к уже получившей распространение стратегии «виктимизации» и «конкуренции жертв» через продвижение тезиса о «геноциде советского народа». Политическая обусловленность этого понятия проистекает из того факта, что оно получило распространение еще до начала содержательных научных дискуссий. Это указывает на отчетливое стремление государственной исторической политики присвоить себе право определять события прошлого, а в данном случае – уйти от выстраивания «баланса памяти» разных групп жертв в сторону реинкарнации обновленного советского подхода. Такого рода конструкция благоприятствует и русскому этническому национализму, сторонники которого готовы прочитывать «советский народ» как «русский народ». В медийном пространстве эмоциональная насыщенность образов нацистских преступлений легко может быть использована против тех, кто оспаривает данный подход к коммеморации. Привлечение судебных органов и восприятие их решения в виде утвержденной правды еще больше способствует «сакрализации» коллективной памяти: она возможна как объект почтения, а не рефлексии.

К.А. Pakhaliuk *

**The transformation of the political use of the memory
of Nazi crimes in contemporary Russia**

Abstract. The article is devoted to the evolution of the policy of memory of Nazi crimes in modern Russia. The general trend of differentiation and deepening of ideas about these events in the 1990 s–2010 s has sharply changed in the early 2020 s in the form of the assertion of the «genocide of the Soviet people» thesis. Since the 2000 s, external challenges had a serious impact on the political use of Nazi crimes: attempts to fit into the emerging «pan-European» culture of memory, «wars of me-

* Pakhalyuk Konstantin, INION (Moscow, Russia), e-mail: kap1914@yandex.ru

mory» with the Baltic states and Ukraine (since the mid-2000 s), actualization of history in relations with Israel, the conflict with Ukraine (since 2014). All of this eventually led to the affirmation of a progressive (heroic) approach with a focus on the liberating role of the Red Army and the participation of Soviet citizens in the resistance against Nazi extermination policy. In part, this coincided with the establishment of institutions of historical politics in Russia and the strengthening of the significance of the memory of the Great Patriotic War as a «civil religion». For the official politics, the memory of Nazi crimes remains rather in a vivid way, emphasizing both the brutality of the enemy and the sanctity of the feat of the Soviet soldier, rather than an independent object of commemoration, allowing a discussion of the causes of such violence, questions of guilt, complicity and responsibility. However, this does not preclude the gradual development of memory infrastructure of Nazi crimes, the increase in the number of memory actors engaged?? in working with it, as well as the inclusion of this topic in regional historical narratives.

Keywords: politics of memory; Holocaust; Nazi crimes; foreign policy; transnational memory; commemoration.

For citation: Pakhaliuk K.A. The transformation of the political use of the memory of Nazi crimes in contemporary Russia. *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 65–93. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.03>

References

- Alexander J. *Cultural sociology. Meanings of social life*. Moscow: Praxis, 2013, 640 p. (In Russ.)
- Altman I.A. *Holocaust memorialization in Russia: history, modernity, prospects // Memory of the war 60 years later*. Moscow: New literary review, 2005, P. 509–530. (In Russ.)
- Aristov S., Vasiliev I., Matskevich M., Edelstein M. *Resistance of Soviet prisoners of war in Nazi concentration camps and extermination centers: history and memory*. Moscow: ROSSPEN, 2022, 303 p. (In Russ.)
- Bonami Z. Museum in the discourse of affect. In: Zavadsky A., Sklez V., Suverina K. (eds). *The politics of affect: museum as a stage for public history*. Moscow: New literary review. 2019, P.C. 51–78 (In Russ.).
- Budraitis I. *The world that Huntington built and in which we all live*. Moscow: Tsolkovsky, 2020, 160 p. (In Russ.)
- Cherkassky A. External and internal influences on the development of the Soviet memorial landscape for the Second World War. *Byhye gody*. 2012, N 3, P. 82–89. (In Russ.)
- Dementiev I.O. “My Heidegger”: Nikolai Arseniev and the memorial culture of post-soviet Kaliningrad. In: Miller A.I., Efremenko D.V. (eds). *Politics of memory in modern Russia and Eastern Europe. Actors, institutions, narratives: a collective monograph*. St. Petersburg: European University Press at St. Petersburg, 2020, P. 357–374. (In Russ.)

- Ferretti M. The politics of memory in modern Russia: a ban on Nazism. In: Afanasiev Y. (ed.). *Another war, 1939–1945*. Moscow: RGGU, 1996, P. 405–421. (In Russ.)
- Finkel E. Looking for “lost genocides”: historical and memory politics in Eastern Europe after 1989. *Historical politics in XXI century*. Moscow: New literary review. 2023, P. 292–327 (In Russ.)
- Galaktionov Yu.V. *National socialism in Germany: problems of study and overcoming*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2006, 165 p. (In Russ.)
- Grinchenko G., Olynyk M. The Ostarbeiter of Nazi Germany in Soviet and Post-Soviet Ukrainian historical memory. *Canadian Slavonic papers*. 2012, Vol. 54, N 3–4, P. 401–426.
- Kibalnik A.G., Ivanov A. Yu. *Rehabilitation of Nazism as a crime against the peace and security of mankind*. Moscow: Yurlitinform, 2019, 276 p. (In Russ.)
- Kotsyubinsky D.A. Public discussion on the issue of holding a military parade on Palace Square on the occasion of the 75 th anniversary of the lifting of the Siege of Leningrad in the context of sacrificial and victimized versions of the blockade memory. *Public policy*. 2021, Vol. 5, N 1, P. 144–174. (In Russ.)
- Kovalev V.I. Everyday life of Soviet citizens driven into Nazi Germany. Moscow: Sputnik +, 2011, 504 p. (In Russ.)
- Krinko E.F. (ed.). The peoples of the USSR on the fronts of the Great Patriotic War: a statistical and military anthropological study. Rostov-on-Don: YuNTs RAS Publishing House, 2022, 428 p. (In Russ.)
- Krinko E.F. (ed.). Wars and the population of the South of Russia in the 18 th – early 21 st centuries: demographic processes and consequences. Moscow: ROSSPEN, 2019, 767 p. (In Russ.)
- Krinko E.F., Zakharina E.A. “Eastern workers”: the dynamics of ideas and images in the USSR and modern Russia. *Heritage of the Ages*. 2020, N 2, P. 45–56. DOI: <https://doi.org/10.36343/SB.2020.22.2.004> (In Russ.)
- Kruglov A., Umansky A., Shchupak I. *The Holocaust in Ukraine: the German military administration zone, the Romanian zone of occupation, the Galicia district, Transcarpathia as part of Hungary (1939–1944)*. Dnipro, 2017. – 1065 c. (In Russ.)
- Levy D., Sznajder N. The holocaust and the formation of cosmopolitan memory. *European journal of social theory*. 2002, Vol. 5, N 1, P. 87–106. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/1368431002005001002>
- Miller A.I. Historical politics in Eastern Europe at the beginning of the 21 st century. *Historical politics in the 21 st century*. Moscow: NLO, 2012, P. 7–32. (In Russ.)
- Miller A.I. The politics of memory in post-communist Europe and its impact on the European culture of memory. *Politia: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of political philosophy and sociology of politics)*. 2016, N 1 (80), P. 111–121. (In Russ.)
- Morozov V.E. *Russia and others. Identity and boundaries of the political community*. Moscow: NLO, 2009, 651 p. (In Russ.)
- Pakhalyuk K.A. "The ability to grieve." June 22 and the value language of Russian politics. *Vorontsovo field*. 2021, N 2, P. 30–35. (In Russ.)
- Polyan P.M. Soviet prisoners of war: how many were there and how many returned? *Demographic review*. 2016, Vol. 3, N 2, P. 43–68. (In Russ.)

- Rebrova I.V. Project "Remember us": the path from a historical exhibition to scientific research. *"Remember us": people with disabilities – little-known victims of the Nazi regime in the occupied regions of the RSFSR*. St. Petersburg: European House, 2022, P. 5–16. (In Russ.)
- Rebrova I.V. The murder of 214 pupils of the Yeisk orphanage: the history of events and their memory in (post) Soviet Russia. In: Pakhalyuk K.A. (ed.). *The tragedy of war. Humanitarian dimension of armed conflicts of the XX century*. Moscow: Yauza-Katalog, 2021, P. 190–213. (In Russ.)
- Samuelson L. On the concept of "genocide" in modern Western historiography. *Russian history*. 2019, N 3, P. 132–140. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086956870005142-7> (In Russ.)
- Sands F. *East West Street. Origin of the terms genocide and crime against humanity*. Moscow: Knizhniki, 2020, 600 p. (In Russ.)
- Smilovitsky L. The Holocaust in Belarus – the genocide of Jews or Belarusians? *Preservation of the memory of the Holocaust in the post-Soviet space, November 21–22, 2019 Tel Aviv*, 2020, P. 93–111. (In Russ.)
- Sokol S. The tension between historical memory and realpolitik in Israel's foreign policy. *Israel journal of foreign affairs*. 2018, Vol. 2, P. 311–324.
- Stratievsky D.V. Former Soviet prisoners of war: late recognition. Problems of historical memory and compensation payments. *Journal of Russian and eastern European historical research*. 2017, N 4, P. 104–118. (In Russ.)
- Zakharina E.A. Memory of prisoners of war and Ostarbeiters in the memorial space of Rostov-on-Don: forms and practices. *Tragedy of war. Humanitarian dimension of armed conflicts of the XX century*. Moscow: Yauza-Katalog, 2021, P. 400–413. (In Russ.)
- Zeltser A. Holocaust monuments in the USSR: on the way to modern memory. *Holocaust. 70 years later*. Moscow: SPC "Holocaust", 2015, P. 141–145. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Александр Дж. Культурсоциология. Смыслы социальной жизни. – М.: Практикс, 2013. – 640 с.
- Альтман И.А. Мемориализация Холокоста в России: история, современность, перспективы // Память о войне 60 лет спустя. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 509–530.
- Бонами З. Музей в дискурсе аффекта // Политика аффекта: музей как пространство публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Склеза, К. Сувериной. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – С. 51–78.
- Будрайтскис И. Мир, который построил Хантингтон и в котором живем все мы. – М.: Цюлковский, 2020. – 160 с.
- Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия / отв. ред. Е.Ф. Кринко. – М.: РОССПЭН, 2019. – 767 с.
- Галактионов Ю.В. Национал-социализм в Германии: проблемы изучения и преодоления. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. – 165 с.

- Дементьев И.О. «Свой Хайдеггер»: Николай Арсеньев и мемориальная культура постсоветского Калининграда // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – С. 357–374.
- Захарина Е.А. Память о военнопленных и оstarбайтерах в мемориальном пространстве Ростова-на-Дону: формы и практики // Трагедия войны. Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века. – М.: Яуза-Каталог, 2021. – С. 400–413.
- Зельцер А. Памятники Холокосту в СССР: на пути к современной памяти // Холокост. 70 лет спустя. – М.: НПЦ «Холокост», 2015. – С. 141–145.
- Кибальник А.Г., Иванов А.Ю. Реабилитация нацизма как преступление против мира и безопасности человечества. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 276 с.
- Ковалев В.И. Повседневная жизнь советских граждан, угнанных в фашистскую Германию. – М.: Спутник+, 2011. – 504 с.
- Коцюбинский Д.А. Общественная дискуссия по вопросу о проведении военного парада на Дворцовой площади к 75-летию снятия блокады Ленинграда в контексте сакрифицированной и виктимизированной версий блокадной памяти // Публичная политика. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 144–174.
- Кринко Е.Ф., Захарина Е.А. «Восточные рабочие»: динамика представлений и образов в СССР и современной России // Наследие веков. – 2020. – № 2. – С. 45–56. – DOI: <https://doi.org/10.36343/SB.2020.22.2.004>
- Круглов А., Уманский А., Щупак И. Холокост на Украине: зона немецкой военной администрации, румынская зона оккупации, дистрикт «Галичина», Закарпатье в составе Венгрии (1939–1944). – Киев: Днипро, 2017. – 1065 с.
- Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе в начале XXI века // Историческая политика в XXI веке. – М.: НЛЮ, 2012. – С. 7–32.
- Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2016. – № 1 (80). – С. 111–121.
- Морозов В.Е. Россия и другие. Идентичность и границы политического сообщества. – М.: НЛЮ, 2009. – 651 с.
- Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование / отв. ред. Е.Ф. Кринко. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2022. – 428 с.
- Пахалюк К.А. «Умение скорбеть». 22 июня и ценностный язык российской политики // Воронцово поле. – 2021. – № 2. – С. 30–35.
- Полян П.М. Советские военнопленные: сколько их было и сколько вернулось? // Демографическое обозрение. – 2016. – Т. 3, № 2. – С. 43–68.
- Реброва И.В. Проект «Помни о нас»: путь от исторической выставки к научному исследованию // «Помни о нас»: люди с инвалидностью – малоизвестные жертвы нацистского режима в оккупированных районах РСФСР. – СПб.: Европейский дом, 2022. – С. 5–16.

- Реброва И.В.* Убийство 214 воспитанников Ейского детского дома: история событий и память о них в (пост)советской России // Трагедия войны. Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века / под ред. К.А. Пахалюка. – М.: Яуза-Каталог, 2021. – С. 190–213.
- Самуэльсон Л.* О понятии «геноцид» в современной западной историографии // Российская история. – 2019. – № 3. – С. 132–140. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S086956870005142-7>
- Смиловицкий Л.* «Холокост в Беларуси – геноцид евреев или белорусов?» // Сохранение памяти о Холокосте на постсоветском пространстве, 21–22 ноября 2019 г. Тель-Авив, 2020. – С. 93–111.
- Сопrotивление советских военнопленных в нацистских концентрационных лагерях и центрах уничтожения: история и память / С. Аристов, И. Васильев, М. Мацкевич, М. Эдельштейн. – М.: РОССПЭН, 2022. – 303 с.
- Стратиевский Д.В.* Бывшие советские военнопленные: позднее признание. Проблемы исторической памяти и компенсационных выплат // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2017. – № 4. – С. 104–118.
- Сэндс Ф.* Восточно-западная улица. Происхождение терминов геноцид и преступление против человечества. – М.: Книжники, 2020. – 600 с.
- Ферретти М.* Политика памяти в современной России: запрет на нацизм // Другая война, 1939–1945 / под ред. Ю. Афанасьева. – М.: РГГУ, 1996. – С. 405–421.
- Финкель Е.* В поисках «потерянных геноцидов»: историческая политика и международная политика в Восточной Европе после 1989 г. // Историческая политика в XXI веке. – М.: НЛЮ, 2012. – С. 292–327.
- Черкасски А.* Внешние и внутренние влияния на развитие советского мемориального ландшафта ко Второй мировой войне // Былые годы. – 2012. – № 3. – С. 82–89.